

Анатомия страдания

“Книга Иова”.

Театр “Вертижень”, Бразилия

Культур-1998-11-14 июня, с.12

Время от времени вездесущий театр переносит нас в пространство, где человек, раб божий, распаивает свою душу перед Господом. Театр тут и вправду уподобляется храму.

Не столь давно Анатолий Васильев в “Школе драматического искусства” создал “Плач Иеремии”. Сейчас бразильский театр “Вертижень” привез на Чеховский фестиваль спектакль, навеянный еще одной книгой Ветхого завета — Книгой Иова. И здесь же, на фестивале, североамериканцы показали “Госпел в Колоне”, произведение, где также воссоединились церковная и светская культуры. Как разнятся по форме и жизнеощущению три этих спектакля и как близки, едины они по духу!..

Слово, обращенное к Богу, здесь непременно простирается в песнопение, воскрешающее пульс давних времен. Книга Иова — самая древняя книга Ветхого завета и даже в переложении современного бразильского автора Луиса Алберто ди Абреу не утратила уникальной своей первобытности. Она посвящена основам этого первобытия и является открытым свидетельством начала становления человека на тернистый путь Веры.

Иов, отец своих детей и муж жены своей (Луисиана Швинден), подвергнутый наисуровейшему испытанию Верой, показан в спектакле как бы выходящим из чрева и молящим Искусителя о возвращении туда, минув собственную жизнь, коли уж в ней он вызвал гнев божий. Но ему предстоит прожить в неимоверных муках, его буквально низвергнут в бездну этой жизни, и перед нами предстанет новорожденный новомученик, нагой и окровавленный, который завершит свой путь новоумершим, но не отступившим от Веры. Вера обретается страданием, увы, только им, и нет более легких средств в достижении этой цели.

Мир бесконечной больницы, воссозданный в спектакле (сценография Маркоса Педрозо), — не место, где лечат и лечатся, а где, напротив, болеют наказанные страшными болезнями неправедники. Обилие белизны стен, пола, потолков, наличие минимального больничного реквизита — лишь внешние атрибуты, помогающие сфокусировать внимание на страданиях Иова в сфере стерильной, замкнутой, отрешенной от быта.

Откровенность, с какой представлены эти страдания, может шокировать физиологизмами, но призвана потрясти натурализмом иного плана — терзаниями не плоти, а духа. Роберто Аудио, предстающий в облике Иова, предельно внутренне точен: кромсается, буквально разрывается на части

его душа. Иов пробирается, нет, продирается к Вседержителю, к верховному “стражу человек” под неусыпным взглядом Противника (Вандерлей Бернардино), то бишь Сатаны, заключившего по любовный союз с Создателем (Сержио Сивiero).

Режиссер (он же автор идеи) Антонио Араужо строит, по сути, единственную мизансцену в этом необычном спектакле. Это лабиринты Пути, в который отправляется герой в сопровождении нас, невольных свидетелей интимного его путешествия. Лабиринты и воспроизведены на лестницах, этажах и коридорах, в огромном гулком зале, полузаброшенном и пустом, или, напротив, в дочиста вылизанном камерном помещении причудливого здания театра “Модернь” на Спартаковской. И мы, уже неотрывно привязанные к герою, то гурьбой шагаем по широкому лестницам, испуганно перепрыгивая через лужицы крови: то жмемся друг к другу вдоль стен длинного коридора: то меряем шагами пространство в пустынном ангаре, предоставленные сами себе; то, наконец, рассаживаемся полукругом в анатомическом театре, присутствуя при последних минутах страданий Иова.

Буквальная близость к герою, позволяющая видеть его лицо и глаза, как в кино, крупным планом, дает возможность прожить эти миги вместе с ним — вплоть до того, как он, собрав последние силы, творит последнюю свою молитву, обращая взор к свету сквозь плену тьмы. Ведь молитва и может быть услышана Богом, когда она достигнет света.

Иов удалится в небытие **молящим** Бога, до последней своей минуты **не оставляющим** его. Иов шепчет обращенные к Всеправедному слова, почти вплотную приблизившись к четырехугольному светильнику операционной, не в силах отвести взгляд, стремясь увидеть там Бога, который не видит его.

Иов покинет нас, удалившись туда, где вечно существует свет. Он плотно закроет за собой застекленную дверь, оставляя теперь уже нас одних наедине с вопросом, который он неоднократно адресовал Всевышнему: “На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?” (Иов. 3:23).

Здесь нет зрителей и нет зрелища, хотя это спектакль и в нем слаженно играют и поют артисты. Здесь есть присутствие — исполнителей, в посильной мере разделяющих страдания выдающегося праведника Иова, и нас, их спутников, способных или не способных эти страдания услышать.

Виктор ГУЛЬЧЕНКО